

В.Д. ЧЕРНЯК

*(Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия)*

УДК 81'42

ББК Ш105.51+Ш301.446

РЕФЛЕКСИЯ НАД СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПОТЕНЦИЯМИ СЛОВА В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ

Аннотация: В статье анализируются характерные для современной беллетристики случаи актуализации словообразовательных потенций слова в метаязыковых комментариях, текстовых окказионализмах. Результаты лингвокреативной деятельности автора или персонажа получают в тексте интеллектуальную и эстетическую оценку.

Ключевые слова: языковая рефлексия, словообразовательный потенциал слова, окказионализмы, внутренняя форма слова, языковая игра.

Почти четверть века назад Ю.Н. Караулов, объясняя сейчас уже активно вошедшее в научный обиход понятие «ассоциативно-вербальная сеть», писал, что «это основание пирамиды, на вершине которой – прекрасные взлеты человеческого духа, запечатленные в авторском слове, высочайшие образцы художественной идиоречи, ставшие возможными лишь благодаря тому, что в широкое основание пирамиды заложена сильная и здоровая посредственность» [Караулов 1995: 9]. Обращение к современной прозе убеждает в том, что и художественная речь демонстрирует как нечастые взлёты, так и здоровую посредственность. Последняя широко представлена в беллетристике, в произведениях, адресованных широкому кругу читателей. Своеобразие массовой литературы состоит в том, что она всегда адаптируется к постоянно изменяющимся условиям функционирования, к социальным трансформациям и технологическим новациям. Будучи ориентированной на читательский спрос, массовая литература выступает как точный индикатор ценностей конкретной культуры и как один из мощных факторов его воспроизводства [Биричевская 2005]. Отечественная беллетристика привлекательна для исследователей современной речи не только

тем, что она представляет выразительный, объемный, часто противоречивый речевой портрет нашего современника, но богатым материалом, демонстрирующим языковую рефлексию как в авторской, так и в персонажной речи. В текстах разъясняются или мотивируются новые номинации, получают эстетическую оценку результаты лингвокреативной деятельности.

Языковой эксперимент и рефлексия над ним являются яркой приметой современного текста, обнаруживающейся в разных жанрах произведений новейшей литературы [Черняк 2012]. «Играть на гранях языка – значит обнаруживать в языке новые и новые возможности передачи мысли и чувства», – пишет Б.Ю. Норман, подчеркивая что «языковые единицы, их классы и правила их функционирования получают тут большую степень свободы по сравнению с иными речевыми ситуациями» [Норман 2006: 4-5].

Не только в произведениях подчеркнуто экспериментальных, но и в текстах, погружающих читателя в повседневную живую речь, мы находим множество окказионализмов, «слов-беззаконников». О «нарушителях», создающих такие слова, Е.А. Земская писала в своей ранней работе «Нарушителями языка бывают люди, не овладевшие еще языком, или люди с тонким чувством слова, прекрасно знающие язык. К числу первых относятся дети, люди, плохо знающие родной язык, и иностранцы, к числу вторых – лица, очень внимательные к языковой форме и стремящиеся как-то ее обновить, освежить, среди них, конечно, в первую очередь писатели. У этих нарушителей законов языка разные установки, разные цели: первые нарушают закон бессознательно, сами того не ведая, вторые сознательно, борясь с властью узуса, стремясь освежить язык. <...> И те и другие берут имеющиеся в языке «стройматериалы» слова (морфемы), а не придумывают их из головы, индивидуальным, непринятым является только их соединение» [Земская 1963: 132-133]. В беллетристике отражаются продукты речевой деятельности и тех, и других. Имитация речевой деятельности иностранца представлена, например, в следующем фрагменте:

«Звонил Паскаль, мой забавный французский друг. Архитектор из Парижа. Очень энергичный и деятельный сорокалетний парень. Его отец был когда-то консулом в России. Паскаль от-

лично знал русский язык. У него был даже не акцент, а какой-то свой очаровательный неправильный, но выразительный вариант русского языка. Этаким диалект, которым владел только он один.<...> Больше всего радовал Паскаль тем, как он говорил. Особенно удавались ему разные странные производные <...>: "Мне необходимо *поутюгствовать* рубашку!"» (Е. Гришковец. Рубашка).

С другой стороны, часто наблюдается игра с языковой формой, характеризующая ситуации обыденной речи. Приведем два примера из одноименных произведений, принадлежащих разным авторам:

– Что вам нужно, девушка? – спросил Кравцов.

– *Матлогику* сдать... «*Матлогика*», – иронически повторил Терновский (он был на кафедре главным ревнителем чистоты языка). – Некогда сказать «математическая логика». *Матлогика, матстатистика, матанализ* – сплошной *мат*...

Элла [молодой преподаватель. – В. Ч.], которая сама говорила «матлогика», обиделась: – А почему нельзя? Говорите же вы «*сопромат*», а не сопротивление материалов...?

– Ну, это уже вошло в традицию (И. Грекова. Кафедра).

Один за другим поднимались кафедральные, говорили, какая замечательная у Мити работа, интересная, научно обоснованная, современная, *диссертабельная*. Слово-то какое выдумали – *диссертабельная!* *Коммуникабельная, транспортабельная, дирижабельная, трахтабельная*... Замечаний, правда, было много. Митя едва успевал записывать их в специальной тетради. Больше всех Митю удивил Маркуша. Он сказал, что диссертация написана на уровне докторской, она ему безумно понравилась, и у него нет ни одного принципиального замечания – разве что блох в тексте половить! (А. Житков. Кафедра)

В обоих случаях языковая рефлексия, обнаруживаемая в метаязыковом комментарии, сопровождается словообразовательной парадигмой, включающей как узуальные, так и окказиональные (во втором фрагменте) единицы.

«Новые слова не проходят незамеченными. Их встречают, как новичков в школе, приветливо или насмешливо, неприязненно. Действует *amor linguae* – любовь говорящего к своему языку. Именно это чувство заставляет людей относиться нерав-

нодушно к новым словам» [Земская 1992: 12]. Известно, например, огромное количество лексических единиц, образуемых с помощью нового префикса *нано-* (как в прямом, так и в метафорическом его значении) и активно функционирующих в СМИ. Рассмотрим два текстовых фрагмента, отражающих этот активный в современной речи процесс:

ЧТО ЕЩЕ ЗА ЧЕРТОВО СЛОВО ЭТИ НАНОТЕХНОЛОГИИ? Почему я, я – Владимир Жуковский, понятия не имею, что это за чертово волшебное слово? И почему мой брат это знает, и для него, ученого, оно открывает такие возможности в области государственной карьеры, менеджмента самого высокого уровня (Т. Степанова. Black&Red).

Шофер, высадив Свиридова, отъехал за очередным гостем, а сценариста уже приняла в заботливые руки девичья обслуга модельного вида: девушки тоже были бессмысленно длинные, тупо роскошные, безголово технологичные – словом, нанотехнологические, при всех своих мегаразмерах – нанотехнологический подъемник вознес Свиридова в вечеряющую синь, откуда наномуравейник Москвы казался уютным безобидным хаосом (Д. Быков. Списанные).

Если в первом случае рефлексия говорящего выражена с помощью оценочных прилагательных и подкреплена графически, то во втором слово *нанотехнологические* само служит рефлексивом для нестандартного словосочетания *безголово технологичные* и мотивом для образования окказионализма *наномуравейник*. «В производном слове как языковой структуре представления значительно ярче, чем в других, немотивированных словах, высвечивается такой семантический концепт, как «интерпретант»: здесь нагляднее всего эксплуатируется результат предметно-познавательной, интерпретирующей деятельности человека, обладающего свободой выбора «стратегии интерпретирования» в своей языкотворческой деятельности» [Вендина 2002: 45]. В текстах беллетристики эти «стратегии интерпретирования» обнажаются в полной мере в тех случаях, когда актуализируются словообразовательные цепочки. Ср.:

– Что ты там будешь делать, Алексей Александрович? *Схимничать, трудничать и анахоретствовать?*

Плетнев ответил, что хочет отдохнуть «от всего и от всех», в

том числе и от Павлика, но мысль про «схимничанье» и «анахоретство» ему понравилась. А что?.. Раз уж больше ничего не получается, будет *схимником* и *анахоретом*! (Т.Устинова. Сразу после сотворения мира).

Остановимся подробнее на романе, где языковые трансформации, в том числе основанные на словообразовательных потенциях слова, определяют глубинные процессы в обществе, а разрушение языка предстает как безусловный сигнал гибели социума. Известный писатель А. Слаповский, филолог по образованию, в эпистолярном романе-антиутопии предлагает читателю погрузиться в тексты, созданные его 124-летней героиней в XXII веке. Вспоминая далекий 2009 год и другие годы своей молодости, Дина Лаврова, обладательница титула «Мисс Мира», пытается написать об этом своему неродившемуся сыну. Автор предлагает читателю результат любопытного лингвистического эксперимента – материализацию катастрофического оскудения словаря. Вместо забытых слов, автор писем пытается создавать новые. Критик Ю. Щербинина весьма точно определяет роман как лингвофутурологический и связывает его с лингвопрогностикой. «Препарируя формы и значения, жонглируя словами разных языков, экстраполируя наличную речевую действительность в обозримое будущее, автор прогнозирует пути развития языка и выдвигает гипотезы его возможных трансформаций [Щербинина 2010]. Героиня романа признается: «Я отвыкла *буквить* по бумаге рукой. Это можно понять: почти всю жизнь я это делала клавишами компьютера и кнопками коммуникативных устройств. Потом голосом. Потом мысленными импульсами. Потом много лет вообще ничем: исчезла необходимость <...> я не перфектно знаю родной русский язык, потому что приходилось в силу жизненных обстоятельств говорить на многих других – и на арабском, и на китайском, и на английском, который стал вторым, а иногда и первым языком для меня. Ну, и еще с десятками полторами языков я имела знакомство: такова была моя жизнедеятельность». В нескольких предложениях представлены губительные для человеческого сознания последствия технического прогресса. «Футурологическое пространство романа обуславливает восприятие языкового эксперимента как утопического прогноза (а если реального, то крайне

неутешительного). С другой стороны, некоторые деформации не кажутся выдумкой, они коррелируют с современным «речевым эфиром», как будто взяты автором из реальности и доведены до абсурда» [Исаченко 2012: 145].

Создаваемые в тексте неологизмы, с одной стороны, демонстрируют возможности языковой системы, а с другой – причудливые механизмы языкового сознания, связанные с актуализацией различных фрагментов тезауруса. Приведем достаточно пространный фрагмент текста, вскрывающий механизмы поиска слов, оказавшихся в дальних кладовых языковой памяти. Читатель погружается в увлекательную языковую игру, в которой действуют механизмы, сходные с разгадыванием кроссворда (о кроссворде как важном инструменте языкового эксперимента, позволяющего понять организацию тезауруса языковой личности, пишут в своей монографии Ю.Н. Караулов и Ю.Н. Филиппович) [Караулов, Филиппович 2008]. Ср.:

Творожок – ласкательное от слова *творог*. Творог – продукт, получаемый от молока в результате какого-то процесса. Молоко – жидкость, которая образовывалась в домашнем животном по имени корова для кормления своих детенышей, не могу вспомнить, как их называли. *Кот* – *котенок*, *ворона* – *вороненок*... Нет, не так. Не *коровенок*. Русский язык очень странный, как и другие языки иногда в частности. Есть слово, а производное от него совсем другое. Вот вспомнила пример: *собака* – *щенок*. Ничего общего. Логично – *собачонок*, правда? Но щенок. Почему – неизвестно. Я не узнала этого. Я долго живу, я многое узнала, но еще большего не узнала. Вот и от коровы что-то такое совершенно другое было для названия ее детей – не помню.

Количество подобных примеров, интересных для чуткого к слову читателя и привлекательных для лингвиста, чрезвычайно велико. По существу, они организуют весь текст и создают филологичность романа-антиутопии.

Языковые поиски героини романа нередко связываются с попытками этимологизации, позволяющей вскрыть утраченные лексико-семантические связи:

Лариса работала в магазине, продавала *белье*. Это то, что люди надевали под верхнюю одежду, когда еще существовало различие между верхней и нижней одеждой. *Белье* – от слова «бе-

лый», хотя оно часто было цветным. Таков закон: вещи меняются, слова остаются. Отметим, что этот прием часто используется и другими авторами, причем игровое использование внутренней формы слова связывается с авторской мотивацией языкового эксперимента. Ср.:

Подружек Артемьева Роза называла «*похищницы*». От слова «*похищать*». И от слова «*хищницы*». Но не родилось еще такой хищницы, которая могла бы отодрать от Артемьева хоть жалкий клочок (В. Токарева. За рекой, за лесом).

Известный литературовед М.О. Чудакова в остросюжетной трилогии для подростков «Дела и ужасы Жени Осинкиной», руководствуясь традициями учительства, вводит метаязыковые комментарии (в приведенном ниже примере актуализирует внутреннюю форму слова), направленные на то, чтобы расширить лексикон юного читателя, пробудить внимание к слову, возобновить «этимологический инстинкт» [Бурвикова, Костомаров 2008: 7]:

Он проходил с участием *присяжных заседателей*, что было в тех местах в диковину. Зал, битком набитый людьми (в Курган приехало полдеревни), в полной тишине выслушал их *присягу*, прочитанную председателем суда (многие в зале тогда впервые поняли, почему заседатели называются *присяжными*).

Привлечение народной этимологии усиливает игровую функцию метаязыковых комментариев. Ср.:

– Вот ты у нас дипломированный филолог! Объясни мне, почему – «*мент*»? Неужели от слова «*ментол*»? Чувствую себя сродни мятной жвачке!

– Ну, ты не настолько свеж! – справедливо, но бестактно заметил Колян.

– Скорее, я предположила бы, что слово «*мент*» происходит от слова «*ментор*», что означает «наставник». – Я мудро разрешила лингвистическую загадку так, чтобы польстить угрюмому Лазарчуку.

– Или от слова «*менталитет*», что означает «сознание»! – Колян вновь влез непрошеным. – Тогда получается, что *мент* – это наиболее сознательный член общества! <...>

– Можно считать слово «*мент*» производным от слова «*ментик*», что означает...

– *Мент, младший по званию!* – весело хрюкнул не в меру остроумный Колян.

– *Ментик* – это мундир гусара! – с нажимом сказала я, за спиной сердитого Сереги показав некстати развеселившемуся мужу кулак. – Ведь милиционеры, как и гусары, люди в форме!

– И тоже денег не берут! – захихикал Колян (Е. Логунова. Брак со стихийным бедствием).

Языковая рефлексия, эксплицированная в текстах современной беллетристики, демонстрирует различные способы личного присвоения языка, в частности использования словообразовательных потенциалов слова, актуализирует как живые, так и утраченные семантические связи, является активно используемым механизмом языковой игры.

ЛИТЕРАТУРА

Биричевская О.Ю. Аксиология массовой культуры. Сравнительный ценностно-смысловой анализ. – М., 2005.

Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Логоепистемическая составляющая современного языкового вкуса // Филологические науки. 2008. № 2.

Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания. – 2002. № 4.

Земская Е.А. Как делаются слова. – М., 1963.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М., 1992

Исаченко О.М. Креативная практика или лингвистический прогноз (по роману А. Слаповского «Победительница») // Уральский филологический вестник: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2012. № 2

Караулов Ю.Н. Основные характеристики языковой способности // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тезисы докладов и сообщ. – Екатеринбург, 1995.

Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. – М., 2008.

Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. – М., 2006.

Черняк В.Д. Романы с языком: на перекрестке жанров: Жанры речи: Сб. научн. статей. Вып. 8. Памяти К.Ф. Седова. – Саратов; Москва, 2012.

Щербинина Ю.В. Море волнуется – раз, море волнуется – два// <http://magazines.russ.ru/volga/2010/1/sh18.html>.

© Черняк В.Д., 2014